Экономический кризис в России. Голод, эпидемии, разруха

Итоги опричнины, лишений, казней и многолетней войны имели ужасные последствия для страны. Материалы писцовых книг, воспринимаемые буквально и без должного анализа, дают страшную картину обезлюдения, исчезновения целых городов с лица земли. Так, в Гдове, на Псковщине, осталось всего 14 домохозяйств, а население Москвы сократилось втрое (по некоторым данным — вшестеро). Источники свидетельствуют о запустении целых волостей и уездов, катастрофическом сокращении посевных площадей (в целом по государству — на четверть). Не смогли оправиться от разорения Новгород и Псков. Летописи переполнены сведениями об опустошенных опричниной и войной местностях, деревнях и городах. Однако для объективного восприятия информации следует учитывать, к каким именно регионам Российского государства относятся населенные пункты, упоминаемые в этих исторических документах.

Современные демографические исследования показывают, что вторая половина XVI в. была неблагоприятным временем для Московии. Особенно четко признаки гуманитарной катастрофы прослеживаются в период 1569—1571 гг., когда Россия пострадала от ряда бедствий: неурожаев, крымского нашествия и московского пожара. Н.М. Карамзин в IX томе «Истории государства Российского» говорит о постепенном восстановлении старых городов (в том числе Новгорода) и основании новых. Только Москва никак не могла оправиться от последствий пожара и событий 1571 г.

Для Москвы XVI в. были характерны скученность застройки и переполненность улиц: в пределах укреплений Китай-города проживало от 150 до 200 тыс. человек. Пожары, а также вспышки инфекционных болезней приводили в таких условиях к огромной смертности среди населения. К концу правления Ивана Грозного число жителей Москвы сократилось до 40—50 тыс. человек. Однако город даже при такой численности оставался одним из наиболее крупных населенных центров не только в Московии, но и в Восточной Европе.

По приблизительным оценкам специалистов, население Российского государства во второй половине XVI в. составляло 7—9 млн человек, территория (до завоевания Поволжья, Урала и Сибири) достигала 3 млн км^2. С включением в состав Московии новых огромных территорий перед ее правительством встала задача освоить, то есть заселить своими подданными, завоеванные земли. Сделать это можно было только за счет обезлюдения коренных центральных районов Московии. Знатный и обеспеченный народ уезжал из этих мест почти всегда крайне неохотно, но в бродягах ни в Казани, ни в Астрахани Иван Грозный не нуждался.

Часто приводимые историками данные о катастрофическом уменьшении количества дворов и домохозяйств в городах касаются, как правило, бывшей Суздальской и Новгородской Руси, где правительство Ивана вело наиболее серьезный учет хозяйства, «охотясь» за богатыми землевладельцами — потомками князей эпохи феодальной раздробленности. В то же время данные о русском населении Поволжья и южных окраин государства не приводятся.

Между тем огромные территории на юге и востоке страны осваивались при Иване Грозном ценой подчас действительно катастрофического запустения коренных земель старой Московии. Ссылку Иван IV использовал не только как наказание, часто он таким образом принуждал своих подданных утверждать влияние «белого царя» в Поволжье. В первые же годы опричнины тысячи семейств отправились в Казань, где еще периодически разгорались татарские восстания. Купцы постоянно выезжали в Астрахань, где через несколько десятилетий уже преобладало русское население. Новые крепости Свияжск, Алатырь, Козьмодемьянск, Кокшайск, Уржум, Елабуга, Лаишев, Тетюши, Чебоксары в 1550–1560 гг. заселялись все новыми русскими колонистами, которые приучали поволжские народы к мысли о крепкой власти и подчинении русскому царю. Чуть позже к ним добавилась

Укрепления Суздальского кремля (XIII—XIV вв.)

Уфа, а затем и целый ряд русских городов в Поволжье, стерегущих Волжский путь.

Часть дворян выехала и в Ливонию, некоторые из них сложили там свои головы, но множество других (хотя и с огромным трудом) вернулись в Московию. Активно застраивалась новыми крепостями литовская граница, появились Себеж, Невель и Велиж (разоренные Баторием в 1579–1581 гг.). После Ливонской войны часть ресурсов, ранее направлявшихся на запад, была переориентирована на Русский Север, где в 1584–1585 гг. начали возводить город Архангельск.

На юге появились десятки новых станов и крепостей, ставших основой новых засечных черт, оформившихся уже после Ивана Грозного, но на основании работ, проведенных в его правление. Еще при нем в черноземном районе основаны Данков, Епифань, Орел, Болхов, Курск, Ливны, укреплены Ряжск, Елец и Шацк. Установлена система приграничной службы, которая позволила впоследствии совершить мощный рывок на юг. Конечно, все это происходило в обстановке ожесточенной борьбы с крымцами, которые в результате своих набегов ежегодно захватывали в плен сотни и даже тысячи русских людей и затем продавали их в рабство в Турцию.

Мнение об истощении Иваном Грозным государственной казны сложилось, скорее всего, вследствие намеренного преуменьшения своих богатств лукавым монархом. До последних дней правления московский царь позволял себе содержать роскошные выезды при дворе, скупал огромные драгоценные камни и устраивал многолюдные пиры за свой счет. Иван никогда не брал в долг у частных лиц (как Стефаний Баторий) и не оставил после себя обязательств казны (возможно, потому, что все необходимое отбирал силой). Со времени Ивана Грозного сохранилось множество великолепных и очень дорогих строений, кроме того, исторические источники сообщают о его щедрых дарах военачальникам и государям соседних стран.

Кровавая опричнина, главной целью которой было не уничтожение населения, а разорение боярских и дворянских вотчин и принудительное переселение россиян в новые районы, даже по максимально завышенным расчетам унесла жизни от 70 до 200 тыс. человек. Но даже приняв эту цифру за

истинную, нетрудно убедиться, что до потерь 25 % от всего населения Московии еще очень далеко.

Не добившись поступления на государеву службу или не дождавшись очередного Юрьева дня для перехода к лучшему хозяину, из-за опричнины, новых налогов, просто из страха за свою жизнь многие люди действительно бежали из центральных районов Московии на ее окраины.

Однако эти неподотчетные закону, не записанные в писцовые книги, никем не контролируемые люди не были потеряны для России. Они влились в ряды донских, запорожских, волжских и терских казаков, стали охочими людьми, на свой страх и риск добывающими для православного царя новые владения на востоке и в Сибири (бывший волжский разбойник, атаман Ермак, стал одним из наиболее известных среди них). Многие тысячи людей несли власть, веру и обычаи Московии в ближние и дальние земли. Бывшие подданные царя Ивана уже не платили налогов, но оставались русскими людьми и постепенно делали общее со своими собратьями в Московии дело. В отличие от холопов в дворянских поместьях безвестные переселенцы были самостоятельны и инициативны, поэтому не дожидались ничьей команды и шли за трофеями сами. Все наследники и потомки этих людей в XVII—XVIII вв. вошли вместе с освоенными ими землями в состав Российского государства.

Наряду с этим внутренняя политика Ивана Грозного имела множество недостатков, еще более заметных по сравнению с будущими российскими достижениями. Огромная миграция, резкий дисбаланс между хозяйственным потенциалом центра и окраин, попытки экстенсивного развития, война с дворцами знатнейших вельмож при незавидной участи хижин их холопов, корыстолюбие и скупость царя — все это привело к резкому социально-экономическому кризису в 1570–1580 гг. Негативные явления накапливались в течение двух десятилетий, с начала 1560-х гг., пока в дни похо-

В.И. Суриков. Боярышня

дов Батория не превратились в общенациональную трагедию.

Разорение старых экономических районов привело к нарушению веками складывавшихся торговых связей, подрыву традиционных источников хлеба и основных товаров, к резкому снижению экономической активности земледельцев и ремесленников, кризису доверия власти любого уровня. Все это не относится, пожалуй, только к землям Русского Севера, сразу вошедшим в опричнину и не имевшим своих крамольных бояр и их владений на своей территории. Здесь при Иване Грозном достигло расцвета земское самоуправление и достаточно благополучно (никаких недовольств и восстаний не случалось) жили общины черносошных крестьян.

Колокольня Св. Алексия под Вологдой (XIV в.)

Среди опальных, но не казненных дворян распространились бродяжничество и разбой. Крестьянские семьи уходили нищенствовать из поместий и разоренных вотчин, прекращали рачительное хозяйство многие монастыри, деятельность которых парализовала земельная политика Ивана Грозного. Неспокойный характер государя и его меняющиеся симпатии не способствовали устойчивому развитию богатых имений и стремлению бояр и боярских детей к приумножению собственных богатств и земель, многие старательно избегали поводов вызвать зависть царя, боясь опалы.

Крестьяне, зная участь осужденных вельмож и не желая подчиняться новым хозяевам, годами бродили в поисках лучших условий жизни и нового пристанища. Из-за недостатка рабочих рук раздача новых огромных, но пустых земель потеряла всякий смысл. Система дворянского ополчения, обеспечивавшая государство армией, при которой помещики выходили на службу «конно, людно и оружно», теперь уже не обеспечивала обороноспособности государства. Из-за того, что дворяне не могли ничего выставить на государеву службу,

В.Е. Маковский. Пастушки

мобилизация в армию в 1579—1580 гг. проходила очень тяжело, множество людей на нее просто не явились. Администрация вела розыск и наказывала уклонившихся — их били кнутом, но, в сущности, многих из них обвинить было не в чем. Дворяне не имели возможности найти и вернуть своих блуждающих по стране крестьян и беглых холопов. Борьба за землю окончилась, началась борьба за людей. Дворяне уезжали из армии в родные поместья, обеспокоенные тем, что соседи в их отсутствие переманят или силой угонят крестьян к себе.

Новые налоги истощили и тех, кто еще оставался на старых местах. Теперь единую меру налогообложения («обжу») платили не 3 двора, как раньше, а от 4 до 8 домохозяйств. В разоренных войной новгородских, псковских и смоленских землях положение сложилось еще более серьезное. Иван Грозный ужесточил свои требования даже для купцов и промысловых людей, которым он традиционно покровительствовал, для убедительности своих намерений казнив нескольких членов крупнейшей корпорации торговцев — Гостиной сотни. Доставалось и купцам из Англии, которым пришлось заплатить на военные нужды московского государства около 2 тыс. рублей.

В 1581 г. Иван Грозный решил покончить с хаосом внутри страны, подтачивающим основы созданного им в годы опричнины земельного порядка. Он временно запретил переходы крестьян на Юрьев день от хозяина к хозяину. Царь справедливо рассудил, что пожилые крестьяне все равно не выплачивают, поскольку слишком бедны, поэтому ограничение миграции, заложенное в Судебнике 1550 г., просто не работает. Старинное право крестьян на переход от одного хозяина

к другому и без того постоянно нарушалось в результате произвола опасающихся обеднения дворян и бояр. Не отменяя Юрьев день в принципе, Иван надеялся хотя бы на несколько лет, названных им «заповедными», успокоить и стабилизировать ситуацию в стране. Однако «заповедные» годы растянулись в результате на несколько столетий, именно этот указ 1581 г. стал основой для последующего введения крепостного права и полного прикрепления крестьян к земле. Мера стабилизации положения стала основой для неисчислимых людских бедствий. Запуганные и уставшие от реформ Ивана IV крестьяне легко согласились на временное ограничение своих прав — никто не смел перечить грозному государю.

В последние годы правления царь прекратил искать поводы для террора против бояр и даже решил приструнить доносчиков. Он объявил о суровом наказании за клевету; некоторых злостных ябедников били батогами и ссылали в крепости на крымской границе. Царь пытался еще раз после 1550-х гг. помириться со своими подданными, но было уже слишком поздно. Страна, выстроенная Иваном Грозным за 30 лет, стала другой, идиллического и прочного договора между рабами и деспотом, как на первом Земском соборе, уже быть не могло.